

Я познакомилась с Борей Шрагиным в 1962 г. в Москве. Я прилетела туда из Праги в командировку. Друг Бориса, Леонид Пажитнов, работал тогда в Праге, в редакции журнала "Проблемы мира и социализма", и он попросил меня отвезти Боре письмо.

Чехословацкую делегацию, с которой я прибыла в Москву, поселили в партийной гостинице в Плотниковом переулке. И вот в эту гостиницу и пришел Борис Шрагин за письмом от Пажитнова. Он пришел туда вместе с Геной Гачевым. Они задержались у меня на несколько часов. Вначале спрашивали о Чехословакии, затем рассказывали о том, что происходит в Союзе, и, наконец, перешли к анекдотам, политическим, как их принято называть. Напомню, это был 1962 год и действие происходило в номере партийной гостиницы на Арбате. Я стала нервничать, мне было жутко. "Вы понимаете, где вы находитесь?" - спросила я своих гостей. "Конечно, понимаем, - ответил Борис и продолжал рассказывать новые анекдоты. - Пусть знают, - сказал он, - они тоже должны знать, что о них думают". И вот эти его слова: "Пусть знают, пусть они тоже знают" - определяют значительную часть деятельности Бориса Шрагина.

Наше знакомство возобновилось уже в эмиграции, в Нью-Йорке. Короткое московское знакомство переросло в крепкую дружбу. Когда мы в 1980 г. стали издавать журнал "Проблемы Восточной Европы", то первым, кому мы предложили стать сотрудником журнала, был Борис.

За годы издания журнала я много раз ругала Борю - он задерживается с редактированием материалов, часто сдает не во-время. Страшно сейчас вспоминать все это, потому что живешь, как будто навсегда, навеки, и совсем не думаешь о том, что люди, которые были так заняты и так часто опаздывали, вдруг могут поспешить уйти из жизни.